

Наши гости

Альдо Де ЯКО,

Элио Филиппо АККРОККА

ИТАЛИЯ

Два года спустя мы вновь встречаемся с руководителями Национального синдиката писателей Италии — его генеральным секретарем Альдо Де Яко и секретарем по международным делам Элио Филиппо Аккроккой.

Альдо Де Яко — видный итальянский писатель, критик, литературовед, который дебютировал в 1946 году повестью «Южная ночь». Ряд произведений писателя был переведен на русский язык, в частности его «Повесть с эпилогом в тюрьме» печаталась в нашем журнале (см. «ИЛ», 1977, № 11). Большим успехом у читателя пользуется одна из последних его книг — «Дни победы», посвященная движению Сопротивления в Италии.

Элио Филиппо Аккрокка — один из наиболее крупных современных поэтов Италии, автор многочисленных поэтических сборников и литературоведческих монографий, чьи работы неизменно входят во все литературные энциклопедии Италии.

— Мы знаем, друзья, что главной целью вашего нынешнего приезда в Москву были переговоры в Правлении Союза писателей СССР, связанные с выработкой нового протокола о сотрудничестве между двумя организациями. Однако здесь, в редакции нашего журнала вы прежде всего наши авторы, прозаик и поэт, представители столь популярной в СССР итальянской литературы. Поэтому первый вопрос к вам, товарищ Де Яко: может быть, в вашем «портфеле» уже лежит новый роман для нас?

А. ДЕ ЯКО. Нет, нового романа, увы, пока нет. Замыслы есть, планы... Но я думаю, что стоит начать нашу беседу все-таки с поэзии — этого «первого слова» сумевшего — я цитирую одну из статей Элио Филиппо Аккрокки, — преодолеть барьеры Алфавитов¹.

Э. Ф. АККРОККА. Меня давно, уже очень давно волнует одна мысль. Она о том, что литературу рождает опыт и культура — вот два источника поэзии в любую эпоху и в любой стране. Разумеется, оба этих понятия — и опыт, и культура — не могут быть оторваны от национальной поч-

вы. И все же... Мы только что вернулись из Риги, где субботним вечером я пережил неожиданное, но очень радостное ощущение, будто бы нахожусь дома: на площади с памятником великому Я. Райнису мы увидели стайку ребятишек, которые играли в прятки, — не найдя другой точки опоры, чтобы облокотиться и спрятать свое лицо, гевчушка, уткнувшись в колени поэта, на совсем непонятном мне языке произносила очень тем не менее понятную «считалку». Архитектура Риги, конечно же, в целом далека от римской, но вот — одно удивительно памятное здание, другое, третье... Вот уголок парка... И море, тоже очень знакомое море. Если бы только не эти непривычные белые буруны льда на берегу. А может быть, это был и не лед вовсе, а пена волн, какие столь часты в нашем Средиземноморье?!

Я побывал во многих странах, на разных континентах, но вместо более четкого представления о географии, истории, культуре народов и государств у меня создавался куда менее ясный, но все же достаточно определенный образ гигантского «человеческого леса», каждое дерево которого имеет свои собственные корни, но все корни вместе питаются из одного источника — нашей в общем-то совсем уж не такой бескрайней и бесконечной планеты. Деревья в этом лесу волею самой природы — в постоянном общении. Ибо кроме корней у них есть стволы, и листья, и плоды. Разные ветры, переносимые циклонами с разных широт, обдувают листву, дают ей воздух, оплодотворяют прилетевшей неведомо откуда пылью цветы. Разные птицы выют гнезда и в тех и в этих краях, но не та же, что и у человека, страсть к познанию, с одной стороны, и незыблемая вечность законов природы, с другой, влекут их к бесконечному передвижению?!

Но сколь беспокойна жизнь деревьев в этом лесу, сколь беззащитными порой оказываются они!

На пути волны времени, которая дробит рябью горизонт и лишает парус (но руль — более упрям); на пути моря лет, которое затопляет нас, незащищенный перед натиском ветров полуостров, какую современную технику, какую плотину или цементную стену поставить?!

Этот вопрос я задавал себе не однажды — так родился цикл стихов «Неспокойная Европа». Здесь в обилии встречаешь

¹ Здесь и далее перевод стихов А. Веселницкого.

контрасты, достижения, портреты, символы, привычки, характеры. И все это понуждает к постоянному размышлению, к вопросам, обращенным к собственному «мы», к осмыслению нашего опыта, наших неудач, наших, может быть, необузданных желаний...

Слово, которым начинается плакат, всегда самое главное. Слово, которое сегодня чаще всего встречается на многоязыких плакатах нашего континента, — это слово «мир», понимаемое как надежда. Если так начинаются плакаты, значит, мы живем в беспокойные времена. И беспокойствие это затрагивает не только писателей, которым и без того вечно суждено скитаться в беспокойном море слов, бесконечных и тревожных поисков глагола, мысли, самой основы, питающей ствол и ветви человеческого леса.

Поэзия, а для меня это понятие идентично слову, является средством выражения человека, народа. Чтобы нести ее по земле, нам нужны переводы, печать, издательство.

Мир — иное дело. Он — выражение всякого свободного сознания, он — плод постоянной борьбы в человеческом лесу, он — неизменное утверждение идеалов и конкретных достижений.

Слово живет в надежде на выражение в творчестве, но мир не может быть ограничен лишь надеждой. Он должен стать уверенностью, перейдя для этого все границы и все континенты.

Следует добиться поэтому того, чтобы отпала нужда в самом переводе слова «мир», которое не является лишь лингвистическим термином, неким неологизмом времени. Оно не принадлежит лишь бумаге. Это — кислород для всей нашей человеческой природы. Это — знамя, окрашенное цветами поэзии всей планеты, ее прошлого, ее великих гениев, которые верили в силу слова...

Вот так, вероятно даже слишком патетически, я изложил вам и замысел второй части «Неспокойной Европы».

Что принесем мы, люди сегодняшнего дня, в год двухтысячный? Из всего, что я уже сказал, вы, конечно, поняли: несмотря ни на что, я оптимист. И этот мой оптимизм не абстрактен: я нахожу для него почву в самых разных странах —

в глазах, чей привет сильнее всякого жеста, и это истинное открытие человеческой сущности, которая питает нашу каждодневную историю...
Поэтов всех континентов,
пейзажи сотни наций,
достижения всех народов —
все мы доставим на свидание с годом
этим ДВУХТЫСЯЧНЫМ, надвигающимся,
целиком написанным с большой буквы...

...Название этой второй части «Неспокойной Европы» будет звучать как своеобразный тост: «Твое здоровье, Континент!»

А. ДЕ ЯКО. После столь поэтического и эмоционального выступления моего друга и коллеги весьма трудно перейти к прозе. К прозе нашей жизни. Тем более что в душе мы все немножко поэты, и кому из нас не дорога эта полная страстной надежды идея нового Континента — континента согласия, мира, дружбы.

С Союзом писателей СССР мы подписали рабочий протокол о сотрудничестве на 1981—1982 годы, в котором заключены конкретные и очень важные инициативы. Но что стоили бы все наши протоколы и соглашения, если бы они не основывались на дружбе, на искренней дружбе, которая объединяет нас и — не побоюсь этого несколько высокопарного выражения — дает нам служащее источником вдохновения ощущение принадлежности к единой, не знающей географических границ семье литераторов, которые сообща, камень за камнем, воздвигают здание отвечающего требованиям дня единства писателей всего мира.

Я спрашиваю себя: как же это возможно? Каким образом мы добиваемся того, что это здание не превращается в Вавилонскую башню? Думаю, что ответ ясен: прежде всего потому, что мы знаем и любим друг друга. Потому, что, сопоставляя, порой даже остро, наши культурные позиции, мы всякий раз открываем, что, несмотря на расхождения, нас очень многое объединяет. И сознание этого помогает преодолеть все жизненные бури, во всех случаях мы остаемся грузьями и братьями.

Вот то настроение, с которым мы приехали в Москву, те мысли, которые высказывались во время бесед с руководством Союза писателей СССР.

— В ваших статьях, выступлениях вы часто обращаетесь к вопросу о месте и роли писателя в обществе...

— Да, я считаю, что это — вопрос вопросов как для каждого писателя в отдельности, а значит и для меня лично, так и для той организации, которую я сейчас возглавляю вместе с моими коллегами, представляющими самые различные политические силы.

Хотелось бы подчеркнуть, что Национальный синдикат писателей — антифашистская и светская организация итальянских литераторов, которые стремятся прежде всего к тому, чтобы добиться максимально благоприятных возможностей для самовыражения. Но разве можно создать что-либо значительное, лишь варясь, как говорится, в собственном соку, живя лишь жизнью этой своей организации? Одного этого ничтожно мало как в условиях капиталистической Италии, так и в любом другом обществе. Долг писателей — принимать самое активное участие в борьбе на идеологическом фронте — то есть в области познания и информации, за достижение истинной свободы творческих поисков.

Страна, в которой мы живем, в этом смысле отнюдь не создала для нас «сладкой жизни». Ведь дискриминация и цензура осуществляются здесь в чрезвычайно изощренных формах, которые в конечном итоге сводятся к самому прямому шантажу голодом: или ты даешь продукцию, которая обязательно найдет сбыт, или же тебя лишат этого источника существования.

За примерами далеко ходить не надо. Мы с горечью видим, как постепенно, шаг

за шагом, монополистическая индустрия уничтожает государственное телевидение, сведя до этого на нет всякие возможности вмешательства государства и общества в дела кино.

Страшной, я не нахожу иного слова, именно страшной представляется и ситуация, сложившаяся в издательском деле. Здесь также действует единственный и всемогущий закон — стремление к максимальной прибыли, что, несомненно, не способствует ни созданию, ни распространению истинной культуры. Я приведу лишь один пример: Италия, эта колыбель древнейшей цивилизации, стоит ныне на последнем месте в Западной Европе по числу читающих. Подумать только: на 1600 периодических изданий в стране приходится немногим более десяти тысяч пунктов, через которые эта продукция реализуется. А это, в свою очередь, означает, что целая треть населения страны — жители небольших деревень и поселков — полностью лишена доступа к печатному слову: капиталистической промышленности невыгодно заниматься распространением периодики и книг, если данный книжный магазин, киоск, канцелярская лавка где порой отводится место и для газет с журналами, не гарантирует продажи заранее рассчитанного электронными машинами «рентабельного» количества экземпляров.

В результате мы наблюдаем, как все более утверждается культура элитарная, искусственно сведенная к «единому цвету» культура, далекая от масс и от реальной жизни, вырванная из контекста творческих поисков.

Иными словами: наша культура по-прежнему остается в плену капиталистического производства. Однако в то же время культура — естественный и непримиримый враг капитализма, как всякой реакционной формы общественного устройства, ибо только благодаря смелым, свободным поискам и многоголосому творчеству на свет могут появиться новые идеи — эти знамена будущего.

— Критик Джан Карло Ферретти в одной из своих недавних статей так определил контуры литературной жизни сегодняшней Италии:

«Республика и индустрия литературы в Италии все более начинают походить на знаменитые семьи патрициев прошлого: потускневший геральдический герб, ослепленный с помощью выгодного брака с плебеем, много старости и мало молодости. В этих семьях во всяком случае редко бывают гости «извне».

Иными словами, сфера литературного производства и потребления высокого качества в Италии все более сужается, «затвердевает», не обновляется ни в читательском, ни в писательском плане.

А ДЕ ЯКО. Очень удачное сравнение. Впрочем, оно ни в коей мере не противоречит тому, что я сказал о монополистическом наступлении на культуру. Именно результатом этого наступления я считаю ситуацию, когда, с одной стороны, мы

имеем издательскую промышленность, которая уже потеряла свои традиционные формы, но не стала современной, которая не занимается более поисками, ограничиваясь максимальным использованием старых ресурсов, которая не идет на риск каких-либо крупных новых инициатив и обращена по-прежнему к одному и тому же читателю.

С другой стороны, мы видим эту «республику литературы», которая занята скорее укреплением своих собственных структур, нежели поисками новых. И если она и озабочена поиском, то не в области творческой, а чисто практической, где стремится к достижению смычки и союза с другими мощными корпорациями — телевидением, журналистикой. И главная ее цель — это во что бы то ни стало избежать острого конфликта между старой структурой и новым рынком, между личностью писателя, творящего в одиночестве, и тем местом, которое он, желая или не желая того, занимает в обществе.

— Могли бы вы назвать хотя бы несколько новых имен, которые были бы интересны для нас?

А. ДЕ ЯКО. Я бы не рискнул гадать этого. И вот почему. На мой взгляд, современное литературное производство гало немало новых интересных имен, однако вся беда в том, что эти авторы, как правило, остаются знаменитыми не более сезона, с трудом преодолевают барьер «первого произведения». Они чаще всего не выходят за рамки очень ограниченного круга читателей из среды журналистов, преподавателей университетов, посетителей современных литературных «салонов». Это знаменитости от журналистики, которые превращают в роман собственный пережитый опыт. Это тети и дяди видных представителей элитарного мира, «обыгрывающие» факты своей биографии, создавая капитал на встречах и беседах со знаменитостями разного рода.

Что же касается известных писателей, то они пишут или же с явным, хотя и настойчиво отрицаемым стремлением угодить рынку, или же отдают свое время «переписыванию» (заметьте, этот термин стал практически признанным, всерьез принимаемым критикой чуть ли не как некий новый жанр) своих старых книг.

Словом, литературная панорама очень пестра. И если подходить к ее оценке с более широкими мерками, нежели чисто литературные, то я бы сказал: в значительной мере эта литература — отражение того глубокого общественно-политического кризиса, который переживает сегодня Италия. Для меня в этом бурном брожении, в этой неустойчивости тенденций есть и обнажающий момент: во всем этом я вижу непосредственное доказательство того факта, что писатели, может быть полностью и не осознавая этого, самой логикой жизни оказываются вовлеченными в борьбу за обновление, которая идет ныне на всех уровнях, во всех сферах общественной и политической жизни.

А. ВЕСЕЛИЦКИЙ